

http://stolitsa.ee/gimn_volshjebstvu_lyubvi_v_russkom_tjeatrze_proshla_priemjera_spjektivaklyja_zhijenshhi_na-zmjeya/145012

Гимн волшебству любви:

в Русском театре прошла премьера спектакля «Женщина-змея»

24.09.2016 11:00

В финале «Женщины-змеи», когда влюбленные, преодолев нечеловечески тяжкие преграды, счастливо соединяются и проходят через зал, а воздушный прозрачный шлейф тянется за ними и накрывает все ряды, возникает чувство единения сцены и зала и ощущение счастья. Да, премьера, как это бывает в 99 случаях из ста, во многом еще только эскиз – но эскиз, в котором четко просматриваются линии и краски такого спектакля, каким постановка Алессио Бергамо должна стать в идеале. Да, ей, нужно еще больше легкости, непринужденности, внутренней свободы, но, во-первых, совершенно очевидно, что со временем, может быть, уже на третьем представлении, все это придет, а во-вторых, радость от увиденного ощущаешь в любом случае.

Борис Тух, boris.tuch@tallinnlv.ee

«Женщина-змея» - пятая увиденная мною за все время комедия дель арте. Одной из пяти была древняя, лет за двести до графа Карло Гоцци, созданная пьеса «Фальшивый Магнifico» в исполнении венецианского Teatro alla Giustitia. Остальные, естественно, Гоцци: «Принцесса Турандот» в Вахтанговском театре и в играющем на русском языке Молодежном театре Узбекистана в постановке замечательного режиссера Наби Абдурахманова и два спектакля моего любимого эстонского режиссера Эльмо Нюганена: совсем еще ранняя - еще в «Угала» - «Любовь к трем апельсинам» и летний проект «Ворон».

К счастью – сквозь преграды!

Как ставил «Турандот» Евгений Вахтангов, мы знаем только по книгам. То, во что впоследствии превратилась своенравная принцесса, став на долгое время визитной карточкой Театра им. Вахтангова, скорее всего очень далеко от оригинала. Спектакль не раз возобновлялся, в нем играли выдающиеся актеры, но стихия смеха, едва ли не капустника, вытеснила все. Драматизм исчез: зачем нам переживать за героев, если заранее известно, что все кончится хорошо? Но в том-то и дело, что ни в XVI веке, ни в эпоху Гоцци счастливый исход хотя и определялся жанром, но был совсем не ясен – и публика, затаив дыхание, следила за запутанными перипетиями сюжета.

Мы никогда не увидим комедию дел арте такой, какой она была в 1760-е годы, когда граф Карло Гоцци, устав от «плебейского реализма», который утвердил на итальянской сцене его тезка и конкурент Карло Гольдони, написал свои 10 фьяб, покорила зрителя и отложил в сторону перо,

решив, что сказал все, что хотел, а дальше - тишина.

Чтобы воссоздать атмосферу, царившую тогда в театре великого актера-импровизатора Антонио Сакки, нужны не только артисты, с восторгом принявшие способ существования в комедии дель арте. (С этим как раз все в порядке, Алессио Бергамо и его ассистент Массимилиано Кутрера убедили и влюбили актеров Русского театра в любовные и батальные безумства «Женщины-змеи»!)

Нужен еще специфический зритель. Наивный и открытый, принимающий на веру самые фантастические театральные ситуации.

Когда героиня спектакля, фея Керестани (Мария Павлова), сжигает живьем своих детей, зритель должен не только испытывать восторг от того, как эффектно это сделано, но и ужасаться, негодовать, ненавидеть в этот момент героиню. Способны ли мы на это? Мы видим, как Керестани через силу пытается быть холодной и жестокой, отмечаем для себя, как жутко и красиво дети исчезают в пламени (художник по свету Антон Андреюк), но... это всё? Или я недооцениваю способность сегодняшнего человека сострадать?

Ирония и романтика

Трагикомедия Гоцци состоит из двух пластов. Один, высокий, история принца Фаррускада (Дмитрий Косяков) и феи Керестани, которая ради любимого готова отказаться от бессмертия. Вторая сюжетная линия этого пласта – осада Тифлиса несметными ордами арапов: город осажден, население голодает, и спасают его от гибели только отвага и боевой дух двух амазонок, Канцаде (Марина Малова) и Смеральдины (Екатерина Кордас).

Лирико-романтическому пласту совершенно необходимы спецэффекты: окутывающий сцену дым; превращающийся сразу в троих воинов великан, которого должен сразить Фаррускад, выползающая из тьмы жуткая змея и т.д. Словом – все, что придумала и воплотила сценограф Ирина Долгова.

Другой пласт, как бы низкий – импровизации, высмеивание всего на свете, злободневные намеки и низведение высокой страсти героев до нелепости, до абсурда.

Импровизации на премьере были временами просто блистательны. В прологе импровизация была отдана двум ведьмам, Фардзане (Татьяна Космынина) и Дземине (Марина Павлова), которых постановщик нарядил воронами и поместил в нависающие над зеркалом сцены ложи с осветительной аппаратурой. У Гоцци ведьмы вводят зрителя в курс дела. Здесь они заняты, в принципе, тем же, но замечательный «дуэт» двух ворон не просто рассказывает, что было до начала этой истории, но и сталкивает высокий сюжет с современным просторечием. В результате возникает пародия на новых русских бабок, которые в свою очередь пародия на давнюю и несомненно более талантливую пару комментаторш нашей быстротекущей жизни - Маврикиевну и Никитичну.

Но пародия проникает и в высокий сюжет. Верный министр Тогрул (Игорь Рогачев), которому обидно за державу, брошенную принцем на произвол судьбы, нацепив бутафорские доспехи, является Фаррускаду в образе упрекающего его за слабость отца. В постановке Бергамо этот эпизод стал элегантным травестированием хрестоматийной сцены из «Гамлета».

По традиции, идущей от истоков жанра, простые люди Труффальдино (Виктор Марвин) и Бригелла (Александр Жиленко) рассуждали, в основном, о еде, а приближенные к царствующей

особе Тарталья (Сергей Черкасов) и Панталоне (блистательная работа Татьяны Космыниной!) о более высоких материях. Государственной, естественно, важности. Но в конце концов импровизации обеих пар внутренне связаны между собой: когда в государстве дела идут сикось-накось, простому народу жрать нечего!

Зал пока что непривычен к такому театральному языку. Путь спектакля – сквозь иронию к реальности и от реальности вновь в иронию, в стихию театральной игры – оставался для части зрителей недостаточно ясно прочерченным.

В первом акте центр тяжести решительно клонился в сторону импровизации; баланс был нарушен, и те из зрителей, которые понятия не имели о структуре и традициях комедии дель арте, могли недоумевать. А несколько человек - наиболее нетерпеливые (или наименее тактичные) – стали уходить...

Но как мгновенно и элегантно среагировали на их уход Труффальдино и Бригелла, сымпровизировав свой комментарий! Актеры уже к премьере были полностью готовы к существованию в стихии комедии масок!

Надо ли женщине становиться змеей?

Зато второй акт прошел с удивительной легкостью и элегантностью и покорила зал.

Публика училась воспринимать прихотливое искусство Гоцци, воплощенное в режиссуре Бергамо и предельной вере труппы в предлагаемые (фантастические) обстоятельства. «Неполиткорректные» шутки о темнокожем предводителе осаждающих город врагов афротифлисцев и толпах арапов (арабов) в свете кризиса беженцев вызвали у публики неподдельный восторг и сочувствие. А может быть - и проникающий легкой тенью в сознание страх: а нам что делать, когда к нам начнут пачками прибывать эти беженцы, среди которых наверняка окажутся замаскированные террористы? У Гоцци город спасали амазонки, совершенно очаровательные в исполнении Маловой и Кордас. Неужели они (т.е. решительные и инициативные женщины) – последний оплот нашей цивилизации?

Мужчина (принц Фаррускад) у Дмитрия Косякова получился типичным современным интеллигентом. Рефлексирующим и опускающим руки перед первой же серьезной проблемой. Ему привычнее и удобнее рвать на себе волосы от отчаяния и стенать, чем засучить рукава и взяться за дело. Даже чтобы поцеловать его же опрометчивостью превращенную в змею Керастани, ему приходится сделать над собой героическое усилие. (Мы-то в реальности очень часто целуем змею, каждый свою, но от этого наши змеи становятся только любимее и прекраснее!)

Второй акт очаровал публику. Каким бы циником ни был современный человек, если у него открыты глаза и не выжжено чувство прекрасного, он поддастся очарованию этой постановки.

«Женщина-змея» в Русском театре – гимн волшебству любви, заставляющей идти на безумства и преодолевать любые преграды, и гимн женщине, которая умеет заставить нас, мужчин, быть Мужчинами. Рыцарями.

Без этого мужчина – существо слабое, рефлексирующее. Не склонное к действию. Он решится что-то предпринять, только если его припереть к стене и не оставить другой возможности. Одна зрительница, встреченная мною на автобусной остановке после второй премьеры, сказала

«Только когда я становлюсь змеей, мой муж бывает способен на подвиги. Однажды даже порог покрасил!»...

Inno alla magia dell'amore:

il Teatro Russo ha ospitato la prima dello spettacolo "Donna il serpente"

24.09.2016 11:00

Nel finale di "La donna serpente", quando gli amanti, dopo aver superato ostacoli disumani, si uniscono felicemente e attraversano la sala, e l'arioso strascico trasparente li segue e ricopre tutte le file, c'è un senso di unità tra palcoscenico e platea e una sensazione di felicità. Sì, la prima, come accade in 99 volte su cento, per molti versi è ancora solo un abbozzo - ma un abbozzo in cui si intravedono chiaramente linee e colori del tipo di spettacolo che l'opera di Alessio Bergamo dovrebbe diventare nel mondo ideale.

Sì, ha bisogno di più leggerezza, facilità, disinvoltura, libertà interiore, ma, prima di tutto, è abbastanza chiaro è ovvio che col tempo, forse già alla terza recita tutto questo arriverà e, in secondo luogo, si sente comunque la gioia di ciò che si vede.

"La donna serpente" è la quinta commedia dell'arte che ho visto finora. Una delle cinque era antica, composta duecento anni prima che il conte Carlo Gozzi creasse le commedie, si chiamava "Il finto magnifico" ed era rappresentata dal Teatro alla Giustizia di Venezia. Le altre, naturalmente, sono di Gozzi: "La principessa Turandot" al Teatro Vakhtangov e all'uzbeko Teatro della Gioventù in lingua russa, messa in scena dal meraviglioso regista Nabi Abdurakhmanov, e due produzioni del mio regista estone preferito Elmo Nyuganen: il primissimo - ancora in Ugala - "L'amore delle tre melarance" e il progetto estivo "Il corvo".

Per aspera ad astra!

Come abbia messo in scena la "Turandot" Evgeny Vakhtangov lo sappiamo solo dai libri. In che cosa si trasformò in seguito la principessa ribelle, diventando per lungo tempo il marchio di fabbrica del Teatro Vakhtangov. e molto probabilmente molto lontano dall'originale, lo abbiamo visto.

L'opera è stata riproposta più volte, è stata interpretata da attori eccezionali, ma l'elemento della risata, quasi un kapustnik, ha preso il sopravvento su tutto. Il dramma scomparso: perché dovremmo preoccuparci dei personaggi, se sappiamo in anticipo che tutto finirà bene? Ma questo è il punto, che né nel XVI secolo né all'epoca di Gozzi l'esito felice era determinato dal genere e non era affatto predeterminato - sicché il pubblico, trattenendo il fiato, seguiva gli intricati colpi di scena della trama.

Non vedremo mai la commedia dell'arte com'era nel 1760, quando il conte Carlo Gozzi, stanco del "realismo plebeo", che aveva imposto sul palcoscenico italiano il suo omonimo e concorrente Carlo Goldoni, scrisse le sue 10 Fiabe, conquistò il pubblico e mise da parte la penna, pensando di aver detto tutto quello che voleva dire, e poi il silenzio.

Per ricreare l'atmosfera che regnava allora nel teatro del grande attore-improvvisatore Antonio Sacchi, non basta che gli artisti adottino con entusiasmo il modo di esistere in scena che la Commedia dell'Arte esige. (E per quanto riguarda questo, Alessio Bergamo e il suo assistente Massimiliano Cutrera non hanno problemi, visto che sono riusciti a convincere gli attori e ad appassionarli alla commedia dell'arte con la follia amorosa e battagliera de "La donna serpente"). È necessario anche un pubblico specifico. Ingenuo e aperto, che prende per buone le situazioni teatrali più fantastiche.

Quando l'eroina della commedia, la fata Kerestani (Maria Pavlova), brucia vivi i suoi figli, lo spettatore non dovrebbe solo essere deliziato dalla spettacolarità del gesto, ma anche inorridire, risentirsi, odiare l'eroina in quel momento. Siamo capaci di questo? Vediamo

Kerestani cerca con la forza di essere fredda e crudele, notando per se stessa come i bambini scompaiano in modo inquietante e meravigliosamente i bambini scompaiano tra le fiamme (lighting designer Anton Andreyuk), ma...? è così? O forse sto sottovalutando la capacità dell'uomo di oggi di essere compassionevole?

Ironia e romanticismo

La tragicommedia di Gozzi è composta da due strati. Uno, quello alto, è la storia del principe Farruskad (Dmitry Kosyakov) e della fata Kerestani, che per amore del suo amato è pronta a rinunciare all'immortalità.

La seconda trama di questo filone è l'assedio di Tiflis da parte di orde di arabi: la città è assediata, la popolazione sta morendo di fame, e solo il coraggio e lo spirito combattivo delle due amazzoni, Canzade (Kantzade) e Smeraldina (Ekaterina Kordas) riesce a tenerla ancora in salvo.

Il livello lirico-romantico ha assolutamente bisogno di effetti speciali: fumo che avvolge il palcoscenico, un gigante che si trasforma in tre guerrieri contemporaneamente, che Farruskad deve sconfiggere, un serpente inquietante che striscia fuori dalle tenebre, ecc. In breve, tutto ciò che la scenografa Irina Dolgova ha pensato e realizzato.

Un altro strato è quello “basso” - improvvisazioni, prese in giro di tutto ciò che c'è nel mondo, accenni di attualità e la trasformazione ridicola dell'alta passionalità degli eroi, all'assurdo.

Le improvvisazioni alla prima erano a volte brillanti. Nel prologo, l'improvvisazione è stata affidata a due streghe, Farzana (Tatiana Kosmynina) e Zemina (Marina Pavlova), che sono state travestite da corvi e collocate in palchetti di platea pieni di proiettori che sovrastavano lo specchio del palcoscenico.

In quello di Gozzi, le streghe aggiornano il pubblico. Qui fanno praticamente la stessa cosa, ma il meraviglioso “duetto” dei due corvi non solo racconta ciò che è successo prima dell'inizio della storia, ma gioca a connettere il tema alto con il gergo dell'oggi. Il risultato è una parodia delle nuove “nonne” russe che a loro volta sono una parodia di una coppia di commentatrici più anziane e indubbiamente più talentuose della nostra vita veloce: Mavrikievna e Nikitichna.

Ma la parodia penetra anche nella parte alta della trama. Il fedele ministro Togrul (Igor Rogachev), che è addolorato per lo stato, abbandonato dal principe al suo destino, indossando una finta armatura, appare a Farruskad nella veste del padre che lo rimprovera per la sua debolezza. Nello spettacolo di Bergamo, questa è un'elegante rielaborazione della famosa scena dell'Amleto.

In linea con una tradizione che risale alle origini del genere, la gente umile Truffaldino (Victor Marvin) e Brighella (Alexander Zhilenko) parlano principalmente di cibo, mentre Tartaglia (Sergei Cherkasov) e Pantalone (brillante lavoro di Tatiana Kosmynina!), dignitari del regno, discutevano di questioni più elevate. Riguardanti lo Stato, ovviamente. Ma in fin dei conti le improvvisazioni di entrambe le coppie sono intrinsecamente legate: quando le cose vanno male nello Stato, la gente non sa come mangiare.

Il pubblico non è ancora abituato a questo linguaggio teatrale. Il percorso della commedia, che passa dall'ironia alla realtà e dalla realtà di nuovo all'ironia, al puro gioco teatrale, per una parte del pubblico non era sufficientemente netto per riuscire ad orientarsi

Nel primo atto, il baricentro si è inclinato decisamente verso l'improvvisazione; l'equilibrio si è rotto e chi tra il pubblico non aveva idea della struttura e delle tradizioni della Commedia dell'Arte ha avuto di che rimanere perplesso. E alcune persone - le più impazienti (o quelle con meno tatto), hanno cominciato ad andarsene...

Ma con quale immediatezza ed eleganza Truffaldino e Brighella hanno reagito alla loro partenza, improvvisando il loro commento a quanto accadeva! Gli attori erano già dalla prima pienamente preparati a esistere nell'elemento della commedia delle maschere!

E' il caso che una donna diventi un serpente?

Ma il secondo atto è passato con sorprendente facilità ed eleganza e ha conquistato la sala.

Il pubblico ha imparato a percepire l'arte estrosa di Gozzi, incarnata nella regia di Bergamo e la massima fiducia della compagnia nelle circostanze (fantastiche). Battute poco "politically correct" sul leader dalla pelle scura degli assediati nemici afro-tiblissimi della città, alla luce della crisi dei rifugiati, hanno suscitato nel pubblico entusiasmo e divertimento. E forse anche la paura che si è insinuata nella coscienza: cosa faremo quando cominceranno ad arrivare in massa questi profughi, tra i quali ci saranno sicuramente dei terroristi sotto mentite spoglie? Nel film di Gozzi sono state le Amazzoni a salvare la città, assolutamente affascinanti interpretate da Malova e Kordas. Sono loro (cioè le donne determinate e intraprendenti) l'ultima roccaforte della nostra civiltà?

L'uomo (il principe Farruscad) in Dmitry Kosyakov si è rivelato un tipico intellettuale moderno. Riflessivo e abbattuto di fronte al primo problema serio.

È più abituato e a suo agio a strapparsi i capelli dalla disperazione e a lamentarsi che a rimboccarsi le maniche e agire. Persino a baciare il serpente – e cioè Kerestani che è diventata tale a causa della sua incoscienza - deve fare uno sforzo eroico. (In realtà, noi spesso bacciamo i serpenti, ognuno di noi fa, ma questo non fa che rendere i nostri serpenti più amati e più belli).

Il secondo atto ha incantato il pubblico. Non importa quanto sia cinico l'uomo moderno: se ha gli occhi aperti e il suo senso della bellezza non è bruciato, soccomberà al fascino di questo spettacolo.

“La donna serpente” al Teatro Russo è un inno alla magia dell'amore, che costringe alla follia e a superare ogni ostacolo. E' un inno alla donna che può farci essere uomini. Uomini e cavalieri.

Senza questo, l'uomo è una creatura debole e riflessiva. Non incline all'azione. Avrà il coraggio di fare qualcosa solo se si trova con le spalle al muro e non ha altra scelta. Una spettatrice, incontrata alla fermata dell'autobus dopo la seconda prima, ha detto: “Solo quando diventerò un serpente, mio marito sarà capace di imprese. Una volta ha persino dipinto la porta di casa!”.